

Е. И. КЫЧАНОВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ОБ ЭТНОГРАФИИ ТАНГУТОВ

Двухсотпятидесятилетнее существование тангутского государства Си Ся (982—1227) представляет собой одну из интереснейших и малоизученных страниц средневековой истории Центральной Азии. Оно было одной из трех могущественнейших держав¹, которые одна за другой возникли на окраинах Китая после гибели династии Тан (618—907). Эти государства, созданные киданьским, тангутским и чжурчжэньскими народами, появились на исторической арене в силу внутренних процессов развития каждого из этих народов, выразившихся в конечном итоге в завершении классообразования и появления самостоятельной государственности, а также в результате той политической обстановки, которая сложилась в Китае после гибели династии Тан и продолжительного раскола страны в X в. Некогда полуварварские племена скотоводов и охотников оказались вовлеченными в бурный водоворот событий и, ознакомившись с величайшими достижениями китайской цивилизации, создали собственные культуры, ждущие еще своих исследователей.

Тангуты² (или дансяны, как этот народ именуется в китайских источниках) были потомками древних цянских племен, которые со II тысячелетия до н. э. населяли западные районы Китая, пограничные с Тибетом, и которые принято считать предками современных тибетоязычных народов. Дансянские племена выделились из западно-цянского племенного союза, сложившегося в I тысячелетии до н. э. и распавшегося в III—IV вв. н. э.

В V—VI вв. дансяны населяли территорию современного Амдо. В середине VII в. (около 660 г.) под угрозой тибетского завоевания часть дансянских племен переселилась на территорию Ордоса. Эти дансяны и получили у тюрко-монгольских народов известность под именем тангутов. По мнению большинства исследователей, это слово произошло от основы китайского наименования этих племен — *дан* (*тан*) с добавлением монгольского суффикса множественного числа *ут*. Позднее через Марко Поло это наименование перешло в европейскую литературу и до сих пор сохраняется в ней за народом, основавшим государство Си Ся.

Древнекитайское название цян оставалось в качестве общего наименования для тибетоязычных народов (туфань — тибетцев, дансян — тангутов, тибетоязычных племен Сычуани) вплоть до монгольского времени. Наряду с этим уже в сунское время (X—XIII вв.) стало употребляться другое китайское наименование тибетоязычных племен, населявших зону китайско-тибетской этнической границы, а именно — сифань, которое постепенно вытеснило название цян.

Древних цянов не следует отождествлять с современными цянами, проживающими в уездах Маосянь и Лифань провинции Сычуань.

Этот народ также выделился из западноцянского племенного союза и переселился в Сычуань на рубеже нашей эры. Связанные с дансянами отдаленной общностью происхождения, современные цяны Сычуани больше ничего общего с тангутами (т. е. с той частью дансянских племен, которая создала государство Си Ся) не имеют.

Государство Си Ся занимало обширную территорию протяженностью границ более 5000 км, от Дуньхуана до Хуанхэ и от южных окраин пустыни Гоби до кукунорских

¹ Ляо (916—1124), Си Ся (982—1227), Цзинь (1115—1264).

² Этот термин, вошедший в употребление в европейской литературе, — тюркского происхождения; впервые он упоминается в орхонских надписях VIII в. У тибетцев тангуты были известны под именем миняг. Точное самоназвание тангутов не установлено. По данным Н. А. Невского, в двух переведенных им тангутских одах тангуты называли себя минья или ми. См. Н. А. Невский, О наименовании тангутского государства, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. II, вып. 3, стр. 137; см. также «Тангутская письменность и ее фонды». Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г., М — Л, 1936, стр. 64.

стей. В европейском востоковедении интерес к изучению тангутов появился после ознакомления с памятниками тангутской письменности³. В связи с изучением языка и письменности этого народа в конце XIX в. зародилась самостоятельная отрасль востоковедения — тангутоведение. Естественно, что все появившиеся исследования рассматривали преимущественно вопросы, связанные с тангутским языком и структурой тангутской письменности. Лишь в некоторых из них попутно затрагивались отдельные стороны истории тангутского народа.

В китайских источниках, как синхронных Си Ся, так и позднейших, содержится немало интересных сведений по этнографии тангутов. Подавляющее большинство китайских известий о Си Ся в разное время было собрано и издано китайскими учеными⁴.

Автор поставил целью на основании этих работ и описаний Си Ся в историях династии Сун («Сунши», цзюань 485—486) и Ляо («Ляоши», цзюань 115) дать краткую подборку сведений китайских источников о хозяйстве, жилищах, одежде, обычаях и обрядах тангутов.

О внешнем облике тангутов

В китайских источниках содержится два упоминания о внешнем облике тангутов. В описании первого тангутского императора Юань-хао сообщается, что он «был круглолиц, с высоким носом, ростом более 5 чи»⁵ (1 чи = 0,32 м). Один из тангутских ванов (князей) Жень-чжун (XII в.) «был высокого роста, имел пышные бакенбарды и усы»⁶. Из некитайских авторов о внешнем облике тангутов рассказывает Рубрук, посетивший территорию государства Си Ся после гибели последнего. «Среди тангутов,— писал он,— я видел людей больших, но смуглых»⁷.

Таким образом, источники подчеркивают, что тангуты были высокорослым, смуглокожим народом с выступающим вперед носом и достаточно развитым волосным покровом лица.

Краткие сведения о хозяйстве Си Ся

Основными занятиями тангутов были скотоводство и земледелие. Большинство тангутов в VI—X вв. вело оседлый образ жизни и занималось отгонным скотоводством. После того как около 660 г. часть тангутских племен, как упоминалось выше, под давлением тибетцев переселилась с территории современного Амдо в Ордос, а затем в Алашань, в хозяйстве тангутов значительное место принадлежало кочевому скотоводству. Тангуты разводили овец, лошадей, верблюдов, ослов, в горных районах — яков. Скот и продукты скотоводства были основными предметами вывоза из Си Ся. «Основные продукты производства государства Си Ся,— читаем мы в «Си Ся шуши»,— озы, лошади, войлоки, шерстяные ткани, ковры — не полностью использовались в своей стране. Необходимо было излишки этих продуктов обменивать с другими странами на продукты их производства»⁸. Скотоводству принадлежала ведущая роль в хозяйстве тангутов, в нем было занято большинство населения Си Ся. Кочевое хозяйство наложило свой отпечаток на социальную организацию тангутского общества. В XI в. у тангутов-кочевников еще сохранялась родоплеменная организация; кровнородственные объединения (по-китайски цзю, було) имели в своем составе обычно около ста семей (по-китайски — чжан — шатер, юрта, кибитка), а некоторые тысячу и более⁹.

Надо полагать, что, помимо кровнородственных связей, основой сохранения родовой организации была коллективная собственность группы кровных родственников на пастбища, как это имело место у других кочевых народов, например у монголов¹⁰.

³ Тангуты создали свою письменность около 1036 г.

⁴ Мы имеем в виду следующие работы: У Гуан-чэн, Си Ся шуши (Летопись событий Си Ся), 1-е изд., 1826, переизд. Бэйпин, 1936; Чжан Цзянь, Си Ся цзиши бэнью (Описание событий Си Ся), Цзиньлин, 1888; Дай Си-чжан, Си Ся цзи (Записки о Си Ся), 1924; Ло Фу-чан, Сунши Сяго чжуань цзичжу (Сводный комментарий к описанию государства Ся в летописи династии Сун), Шанхай, 1937.

⁵ «Сунши», изд. 1836 г., цз. 485, 12а. Цзюань 485 и 486 были переведены Н. Я. Бичуриным. См. Иакинф [Н. Я. Бичурин], История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. по 1227 г. по Р. Х., СПб., 1833, ч. II, стр. 22. В дальнейшем все ссылки на Сунши будут сопровождаться ссылкой на перевод Бичурина. См. также Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 1а.

⁶ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 24, 10б.

⁷ И. де Плано Карпини, История монголов; В. де Рубрук, Путешествие в восточные страны, Перевод Маленна, СПб., 1910, стр. 109—110.

⁸ У Гуан-чэн, Указ. раб., цз. 20, 4а.

⁹ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 6, 11б.

¹⁰ Б. Владимиров, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 43, 56, 58.

Земледелие в Си Ся было развито в долине реки Хуанхэ, в предгорьях Нань и в районе города Синин. В этих местностях «земли у тангутов были плодородны, и сеяли на них пять хлебов»¹¹. Особенно их земли годились для посевов риса и ницзы¹². Почти повсеместно земледелие в Си Ся было поливным; особенно развитая сеть каналов была по обоим берегам Хуанхэ в районе современного города чуань, где помещалась некогда столица Си Ся город Синцин. Некоторое представление о сельскохозяйственных орудиях тангутов дает их перечень, имеющийся в тангу китайском словаре «Чжан чжун-чжу». Там указаны: каменный каток для выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, каменный каток для обрушивания зерна, веялка шето, ручная мельница¹³. Ремесленное производство тангутов базировалось главным образом на обработке продуктов скотоводства. Марко Поло, посетивший Тань 70-х годах XII в., отмечал, что в области Ергэтайа (Алашань) «ткнут лучшее в сукно из верблюжьей шерсти»¹⁴. Важную роль в экономике Си Ся играл соляной промысел: «Все цянские племена¹⁵ добывали соль, и торговля солью была у них «столбом для жизни»¹⁶. Горы Хэншань (в провинции Шэньси) были центром железнотопительного производства. Доспехи тангуты изготовляли способом холоднойковки¹⁷.

Жилища тангутов

Характер жилища тангута зависел от того, какое хозяйство вел его владелец. Земледельцы и скотоводы, занимавшиеся отгонным скотоводством, жили в глинобитных домах, скотоводы-кочевники — в шатрах. Чиновники и знать строили себе каменные дома и дворцы, которые покрывали черепицей. Наиболее типичными постройками тангутов были глинобитные дома. «Обычно все тангуты жили в глинобитных домах. И только получавшие на то особое разрешение могли покрывать их черепицей»¹⁸. Таким образом, в типах жилищ узаконенным порядком было закреплено социальное неравенство, царившее в тангутском обществе. Все те, кто не имел права покрывать свои дома черепицей, по старинному тангутскому обычаю, делали кровлю из грубошерстных тканей и войлока¹⁹.

По описанию Чжан Цзяня, тангутские глинобитные дома в опасных местах «делались на подпорках... Матицы в домах тангутов были очень красиво раскрашены. Вне городов и селений тангуты жили в хижинах и землянках»²⁰.

К началу XIII в. в глинобитных домах обитало подавляющее большинство населения Си Ся. Монгольский полководец Толунчерби, предлагая отложить поход против Си Ся, обосновывал свое мнение следующим образом: «Тангуты — люди оседлые, живущие в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища?»²¹.

На протяжении XI—XII вв., возможно, проходил процесс перехода части кочевых тангутского населения к оседлости. Китайские источники, правда очень скудные для XII в., совсем не упоминают о перекочевках, а по сообщению Рашид-ад-Дина относящемуся к XIII в., племя тангут «большой частью обитало в городах и селениях»²². Кочевничество сохранялось в пустынных и полупустынных районах страны. Алашаньские тангуты, приглашая монголов сражаться, говорили, что у них для этой цели есть «Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды». Тангуты заселили территорию, первоначально входившую в состав китайского государства. Поэтому все значительные города Си Ся были построены китайцами еще до возникновения этого государства. Правда, со временем они не могли не подвергнуться влиянию местных народов, и их облик определенно отличался от облика городов центрального Китая.

Источники упоминают о том, что тангуты сами строили города и крепости²⁴. Города были военно-административными, культурными и торговыми центрами государства.

¹¹ Рис, просо, пшеница, ячмень, соевые бобы. Эти культуры обычно подразумеваются под китайским выражением «у гу» (пять хлебов). См. Китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина, 2-е изд., М., 1955, стр. 70.

¹² «Сунши», цз. 486, 226; Бичурин, стр. 117.

¹³ «Чжан чжун-чжу», 1189, Рукописный отдел Ленинградского отдела Института востоковедения АН СССР, Тангутский фонд, № 214.

¹⁴ Н. П. Миняев, Путешествие Марко Поло, Перевод старофранцузского текста СПб., 1902, стр. 95.

¹⁵ Китайские хроники очень часто называют население Си Ся именем предков тангутов — цянами.

¹⁶ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 2, 17а.

¹⁷ Там же, цз. 7, 266; гз. 15, 66 Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 117а.

¹⁸ «Сунши», цз. 486, 24а; Бичурин, стр. 120.

¹⁹ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 11, 7 а.

²⁰ Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 6а.

²¹ С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, т. I, стр. 190.

²² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, перевод с персидского Л. А. Хетагова, т. I, кн. I, М.—Л., 1941, стр. 143.

²³ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 190.

²⁴ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 22, 3а.

Помимо жилых домов, в них были здания правительственных учреждений, дворцы, храмы, тюрьмы, склады²⁵.

Есть некоторые основания полагать, что значительная часть средневековых городов Центральной Азии не отличалась большими размерами. Так, город Ланьчжоу «с востока на запад тянулся на 600 с лишним бу²⁶, а с юга на север приблизительно на 300 бу»²⁷. По измерениям П. К. Козлова, каждая сторона квадратных стен Хара-Хото равнялась «одной трети версты»²⁸. В северо-восточной части Ордоса Г. Н. Потанин видел старое городище, которое имело «с севера на юг... 600 шагов длины, а с запада на восток 300»²⁹, т. е. почти те же размеры, что и город Ланьчжоу.

Одежда тангутов

Все тангуты носили распахнутую одежду — летом халат, зимой шубу, а также сапоги и шапку. Каждой группе населения Си Ся законом предписывался определенный тип одежды. Все неслужащее население страны по носимой одежде делилось следующим образом: знатные должны были носить одежды зеленого, а незнатные черного цвета³⁰; гражданским чиновникам предписывалось надевать головную повязку, сапоги с высокими голенищами, халат коричневого или темно-красного цвета; военные носили платье из темно-красной ткани с узорами, серебряный пояс с длинными концами; шлемы их, в зависимости от их звания, были или позолоченными с украшением в виде облака, или посеребренными с золотой инкрустацией, или просто крытые черным лаком. Их штатское платье было из коричневой или черной ткани с вышитыми на ней узорами в виде шаров; к нему полагался яркий пестрый пояс³¹. По-видимому, тангуты всегда предпочитали темную окраску тканей.

Обычаи и обряды тангутов³²

Судя по отдельным упоминаниям источников, в брак тангуты вступали в возрасте 16—18 лет³³. При заключении брака голос родителей имел решающее значение. Как только в семье подрастала девочка, родители, не спрашивая ее согласия, через сватов назначали срок свадьбы. Выбор родителей иногда не совпадал с личными симпатиями девушки. В этом случае, как сообщают источники, если девушка и любимый ею юноша не примирялись с решением родителей, «они бежали в горы, находили среди скал укромное место и ложились там, обвязав друг другу головы поясами; каждый из них что есть силы стягивал свой пояс, так что внезапно оба, и юноша и девушка, умирали». Родственники шли их искать. Когда девушку и юношу находили, то не оплакивали их смерть, говоря, что это «радость юноши и девушки», и незачем печалиться о них. Умерших завертывали в узорный шелк, а сверху обматывали войлоком. Убивали быка и приносили его в жертву. Затем тела укрывали травой, выбирали одинокую скалу, ставили на ней шест высотой в один чжан (3,2 м); это называлось «изгородью девушки» (нюй шань). Трупы переносили на скалу, объявив, что они «взлетят на небо». Целый день под этой скалой родственники девушки и юноши били в барабаны и пили вино, а к вечеру расходились³⁴.

Исходя из этого сообщения, можно предположить, что у тангутов еще сравнительно недавно женщина занимала более высокое положение; она могла свободно выбирать себе мужа. Представления об этом ее праве еще не окончательно исчезли в обществе тангутов того времени, о котором говорится в летописи. В связи с этим исследование семейно-брачных отношений у тангутов представляется важным, особенно в связи с высоким положением женщины у тибетских племен в целом.

О погребальных обрядах тангутов в XI—XII вв. китайские источники не дают сведений. Из более ранних источников известно, что даняны сжигали трупы умерших³⁵. Вероятно, этот обычай сохранился и в Си Ся. По свидетельству Марко Поло, в Тангуте «тела мертвых идолопоклонников всюду сжигали»³⁶. Вместе с трупом умер-

²⁵ Там же, цз. 20, 286.

²⁶ 1 бу = 1,6 м.

²⁷ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 16, 11а.

²⁸ П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, Огиз, 1947, стр. 77.

²⁹ Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, М., 1950, стр. 87.

³⁰ «Сунши», цз. 485, 13а; Бичурин, стр. 24.

³¹ «Сунши», там же; Бичурин, там же.

³² Сведения, сообщаемые в «Истории Ляо», относятся лишь к XI в., т. е. к начальному периоду существования тангутского государства.

³³ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 21, 27б; цз. 24, 1а.

³⁴ Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 6а.

³⁵ «Цзю таншу», цз. 198 (Серия «Сыбу бэйяо», т. 022, Шанхай, 1935—1936, стр. 1651).

³⁶ Н. П. Миняев, Указ. раб., стр. 74.

шего сжигали вырезанные из бумаги изображения предметов домашнего обихода животных и людей, так как считалось, что у умершего в загробной жизни будет столько же имущества, скота и рабов, сколько сожжено бумажных изображений³⁷. Следует отметить, что этот же момент был в похоронном обряде и у китайцев, где, возможно, он являлся пережитком действительных погребальных жертв, приносившихся в прошлом. В связи с этим представлялось бы важным выяснение того, каким образом явился этот момент в погребальном обряде у тангутов.

Тангутскую знать и тангутских императоров хоронили на кладбищах в усыпальницах. Кладбище тангутских императоров находилось к западу от столицы Си Ся города Синцин. Его местонахождение точно указано на старинной карте Си Ся XI в. воспроизведенной в рукописном атласе карт Си Ся, хранящемся в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве³⁸.

В XI в. среди тангутов был очень распространен обычай кровной мести. Если тангут собирался отомстить, он произносил следующую клятву: «Если я не отомщу, то я не буду убирать хлеба. [Пусть] мужчины и женщины [в моей семье] покроются паршой и облысеют, [пусть] подохнет мой скот, [пусть] змея заползет в мою кибитку [пусть среди моих родственников] не будет ни сильных, ни слабых, способных отомстить»³⁹. После этого он собирал взрослых мужчин и женщин, щедро угощал их мясом и вином, а потом все приглашенные бежали к дому обидчика и сжигали дом⁴⁰. Во время траура по убитому родственнику на врага не нападали, а носили на спине особый отличительный знак, по которому можно было узнать мстящего. По окончании срока траура начинали мстить. Когда чувство мести было удовлетворено, отомстивший пил из человеческого черепа вино и кровь курицы, свиньи или собаки⁴¹. Естественно, что обычай кровной мести наносил ущерб тангутскому обществу. Поэтому кровная месть постепенно стала заменяться денежным выкупом. При этом примирение враждующих сторон происходило при участии представителя государственной администрации Си Ся⁴².

Преступников и пленных тангуты содержали в земляных ямах-тюрьмах⁴³. Желая привлечь на свою сторону какое-нибудь государство или племя, тангуты посылали его государю или вождю стрелу⁴⁴. При заключении мирного договора стрелу ломали⁴⁵.

У тангутов были праздники в каждый первый день первого месяца всех четырех времен года. Эти праздники были введены в Си Ся в XI в. До этого, по старинному тангутскому обычаю, праздновался только день зимнего солнцестояния. Праздничным днем считался и день рождения императора Ся⁴⁶.

Государственной религией Си Ся был буддизм. Но большинство тангутского народа, кроме исповедания буддизма, особенно в XI в., придерживалось старой веры в злых и добрых духов, близкой по своему характеру к древнетибетской религии бон. Если тангут заболел, то он не лечился, а звал знахаря (по-тангутски — «сы»), который должен был изгнать из него вызвавших болезнь злых духов. Иногда больной сам переселялся в дом знахаря, что называлось в народе «уклониться от болезни»⁴⁷.

С верой в злых и добрых духов у тангутов было связано много различных поверий и гаданий. Большая часть тангутских поверий, приведенных в китайских источниках, относится к военным походам; описание их содержится в 486 цзюане «Сунши» и переведено Н. Я. Бичуриным⁴⁸. Дополнительные сведения имеются лишь о первом из описанных в «Сунши» гаданий — «чжибоцзяо». Когда гадали о военных походах, жгли полынь и держали над огнем бедренную кость барана, называя это «сыбин». Рассматривали образовавшиеся на кости трещины, называя их «сыбацзяо». Самая верхняя из трещин считалась трещиной духа-ясновидца (шэн мин).

Центр кости (седалище) назывался «цзовэй» и считался местом вана (т. е., видимо, хозяина, производящего гадание). Бока кости назывались «кэвэй» и считались местом гостей (присутствующих при гадании). По обычаю тангутов, в главной спальне комнате их жилища в центре оставлялось свободное место, посвященное духам, которое не осмеливались занимать, называя его местом духа-ясновидца. Сидя по сторонам этого места, и совершали гадание «чжибоцзяо», чтобы узнать об удачах и неудачах хозяина и гостей⁴⁹.

³⁷ Н. П. Минаев, Указ. раб., стр. 74.

³⁸ Рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 274, рукопись 1250; см. также Чжан Цзянь, Указ. раб., вводи. цз., 86, 9а.

³⁹ «Ляоши», 1936, цз. 115, 6а.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Даф Си-чжан, Указ. раб., цз. 16, 1а,б.

⁴⁴ Там же, цз. 3, 15б.

⁴⁵ Там же, цз. 10, 14б.

⁴⁶ Там же, цз. 11, 9а.

⁴⁷ «Ляоши», цз. 115, 5б, 6а.

⁴⁸ Бичурин, стр. 119—120.

⁴⁹ Чжан-цзянь, Указ. раб., цз. 10, 2б.

Победные церемонии тангутов иногда завершались съедением сердца и печени (по представлениям тангутов —местилище храбрости) наиболее выдающихся бойцов из вражеского стана⁵⁰. Считалось, что после этого доблесть побежденного перейдет к победителю.

Многие явления природы тангуты считали чудесными предзнаменованиями и по своему истолковывали их. Если днем были видны звезды или планета Венера, то это, по представлениям тангутов, предвещало неудачу в войне⁵¹. Если Марс заходил в созвездие Южного Креста, это означало, что государь должен отправиться в храм и молиться за свой народ⁵². После солнечных затмений государь обычно объявлял о помиловании преступников⁵³.

Таковы вкратце те немногие сведения по этнографии тангутов, которые содержатся в китайских источниках. Нетрудно убедиться, что здесь мы находим много общего с обычаями и обрядами тибетцев и других тибетоязычных народов Китая. Сопоставление этих обычаев не входило в нашу задачу, но можно надеяться, что приводимые сведения окажутся полезными для тех, кто интересуется историей и этнографией Центральной Азии и национальных меньшинств Китая, в особенности Тибета. И когда в будущем науке станут доступны памятники тангутской письменности, возможно, в истории тангутов,— да и не только тангутов, а всей Центральной Азии X—XIII вв.,— откроется новая, еще неведомая страница.

⁵⁰ Д а й С и - ч ж а н, Указ. раб., цз. 22, 86.

⁵¹ Т а м ж е, цз. 5, 36, цз. 19, 106.

⁵² Т а м ж е, цз. 5, 25а

⁵³ У Г у а н - ч э н, Указ. раб., цз. 36, 10а.